

«ГРЯЗЕВОЙ» ПОХОД КНЯЗЯ ДМИТРИЯ ИВАНОВИЧА НА СМОЛЕНСК В 1502 ГОДУ

Аннотация. В статье представлена история первой попытки московских великих князей отвоевать у Великого княжества Литовского Смоленск. Русский государь Иван III в ходе Русско-литовской войны 1500—1503 гг. отправил своего сына Дмитрия Ивановича во главе более чем 20-тысячного войска с многочисленной артиллерией для осады Смоленска. Хотя русские войска не сумели выполнить задачу и отступили, неудача позволила русским воеводам получить необходимый опыт борьбы за столь мощную крепость, выработать новую тактику и стратегию ведения осадной войны и взять Смоленск спустя 12 лет.

Ключевые слова: осада Смоленска 1502 г.; Великое княжество Литовское; Иван III; князь Дмитрий Иванович.

Summary. The article presents the history of the first attempts of the Moscow Grand Dukes to win back the city of Smolensk from the Grand Duchy of Lithuania. Russian Tsar Ivan III during the Russian-Lithuanian War of 1500—1503 sent his son Dmitry Ivanovich with more than 20-thousand troops with numerous artillery for sieging Smolensk. Although Russian forces failed to accomplish the task and retreated, the failure allowed Russian battlemasters to get the necessary experience in fighting for such a strong fortress, to develop new tactics and strategy of siege war, and to take Smolensk 12 years later.

Keywords: siege of Smolensk in 1502; the Grand Duchy of Lithuania; Ivan III; Prince Dmitry Ivanovich.

В ИСТОРИИ отношений России и Великого княжества Литовского (позднее Речи Посполитой) борьба за Смоленск была одной из самых ярких страниц. Город по праву именовался «ключом Москвы», но мог бы называться и «ключом Вильно», как писал отечественный историк Ю.Г. Алексеев. Смоленск прикрывал «путь на Витебск — Полоцк и на Оршу — Минск — Вильно. В то же время район Смоленска мог быть использован литовской стороной для наступления в направлениях Вязьма — Можайск — Малоярославец и Великие Луки — Ржев»¹. Обе стороны это прекрасно понимали, и потому отнюдь не случайно московские послы весной 1504 года в ходе переговоров о заключении «Вечного мира» заявили, что прочному миру между двумя государствами не бывать до тех пор, пока под властью литовских князей будут оставаться «вся Русская земля, Киев, и Смоленск, и иные города». Они, по мнению московских дипломатов, «с Божьею волею, из старины, от наших праотцев наша отчина»². Обращает на себя внимание тот факт, что Смоленск московские послы поставили в списке городов на второе место после «матери городов русских»!

Особенную остроту «смоленский вопрос» приобрёл в начале XVI века. К этому времени Иван III в ходе конфликта с Великим княжеством Литовским сумел отвоевать у него значительные территории в верховьях Угры, Жиздры и Оки и окончательно определился со своей позицией в отношении русских земель, вошедших в состав Великого княжества Литовского. Следующим на очереди был Смоленск. Однако отвоевывания этого важного в политическом, экономическом и стратегическом отношениях города

пришлось ждать довольно долго.

Русско-литовская война между двумя государствами-соперниками за доминирование в Восточной Европе началась после того, как весной 1500 года Иван III удовлетворил челобитье двух пограничных северских князей Семёна Можайского и Василия Шемячича о переходе их на службу московскому великому князю «и с вотчинами». Поначалу она развивалась для литовцев чрезвычайно неудачно. Посланный на помощь челобитчикам московский воевода Яков Захарьич Кошкин «со многими людьми» с налёту взял Брянск³, после чего направился к югу, во владения мятежных князей, привёл их к присяге на верность новому господину и вместе с ними взял Путивль⁴. Другая русская рать под началом брата Якова Захарьича — Юрия двинулась на Дорогобуж, который вскоре также был взят. Обеспокоенный успехами русских войск, великий князь литовский Александр Казимирович «посла на Юрия Захарьича воевод своих, многих панов и гетманов, со многими людьми»⁵. Под Дорогобужем, на реке Ведроши, и состоялась встреча литовского войска во главе с гетманом князем К.И. Острожским, полков Юрия Захарьича и прибывшего к нему на помощь с «тверскою силою» воеводы великого князя Д.В. Щени⁶. Эта встреча закончилась полным разгромом литовского войска, пленением самого гетмана и многих литовских «начальных людей» и рядовых воинов 14 июля* 1500 года⁷. Говоря о значении этой битвы, имперский дипломат Сигизмунд Герберштейн в своих записках о пребывании в Московии отмечал, что «одним сражением и за один год москвит (Иван III. — **В.П.**) достиг того, чего великий князь литовский Витольд добивался в те-

* Здесь и далее все даты даны по старому стилю.

Александр Казимирович
Рисунок Я. Матейко

чение многих лет и с превеликими усилиями»⁸.

С такой оценкой итогов сражения можно соглашаться, как это сделал, к примеру, Ю.Г. Алексеев, можно не соглашаться, как Н.С. Голицын⁹, но на судьбе Смоленска, который при любом раскладе был одной из важнейших целей этой войны, поражение войска К. Острожского на Ведроши никак не сказалось. Действия Ивана III после этой победы оставляют впечатление некоей растерянности: великий князь не ожидал такого успеха и оказался не готов мгновенно развить его, бросить свои полки на Смоленск и попытаться взять его быстро, пользуясь тем замешательством и растерянностью, что охватили литовцев после разгрома рати князя Острожского. Возможно, Иван III, зная о мощи смоленских укреплений, решил действовать наверняка, основательно подготовиться и лишь потом приступить к Смоленску. Во всяком случае 29 сентября он отпра-

Воины Великого княжества Литовского

Рисунок Ю. Коссака (с гравюры XVI в.)

вил в Крым к своему послу И.Г. Мамонову «память», в которой великий князь московский писал своему союзнику, крымскому хану Менгли-Гирею I, что намеревается, «даст Бог», «послать своих воевод со многими людьми по первому пути, как снег ляжет, к Смоленску и к иным местам к литовским»¹⁰.

Однако намечавшийся поход не состоялся. Иван III не отправил свои полки к Смоленску по причине усталости ратных людей, всё лето и осень 1500 года «воевавших» Литву, а также и потому, что с наступлением зимы «снеги выпали велики, да и корму коньского от Смоленска мало, не на чем многим людям стояти городов доставати». И были ли причиной тому названные великим князем снег и нехватка фуража и провианта вкупе с желанием дать служилым людям поднакопить сил перед новой кампанией, или же усложнившаяся дипломатическая обстановка, или совокупность этих и других обстоятельств — это не столь важно. Главное — набранный было темп оказался утрачен. Ни в 1500 году, ни в следующем русские войска под валы Смоленска не пришли, и блестяще начатая война грозила перерасти в долгий и изнурительный не только для Литвы, но и Москвы конфликт. Лишь в кампанию 1502 года Иван III отправил на Смоленск войско под началом своего сына — Дмитрия Ивановича Жилки. Но прежде чем вести речь об этом, коснёмся вкратце историографии проблемы и источников, которые повествуют об этом походе.

Смоленский поход Дмитрия Ивановича не нашёл должного отражения в дореволюционной

отечественной исторической литературе. Даже в энциклопедической по объёму материала «Истории России с древнейших времён» С.М. Соловьёва ему уделено всего лишь одно предложение¹¹. Несколько больше сказано о нём в сочинении Г.Ф. Карпова¹². Но и здесь главное внимание уделено не столько самому походу, сколько сопутствовавшим ему обстоятельствам — дипломатическим и иным. Не очень популярной была эта тема и в советской историографии — в большинстве работ, так или иначе затрагивавших историю внешней политики Ивана III, смоленская неудача 1502 года упоминалась в нескольких словах или строках¹³.

Не слишком изменилось положение и в постсоветское время. Первая осада Смоленска оказалась в тени победного для полков Ивана III сражения на Ведроши и ливонских походов 1501—1502 гг. В.А. Волков в своём объёмном исследовании «Войны и войска Московского государства» уделил описанию этого события лишь несколько строк¹⁴. Правда, Ю.Г. Алексеев в своей последней работе по русской военной истории времён Ивана III подробно остановился на событиях лета—осени 1502 года смоленского направления, справедливо отметив важность этой кампании для успешного завершения начавшейся в 1500 году войны¹⁵. Интересные подробности первой осады Смоленска и оценки причин её неудачи сообщает М.М. Кром¹⁶.

Русские источники чётко делятся на три группы: разрядные записи, летописные свидетельства и дипломатическая переписка. Правда, ценность их неравнозначна. Разрядные записи начала XVI века были занесены в «Государев разряд» и в частные разрядные книги много позже описываемых событий. Так, официальный «Государев разряд» впервые был составлен около 1556 года и следовательно, как справедливо писал Ю.В. Анхимюк, «Государев разряд» с записями по крайней мере за XVI в. составлялся задним числом¹⁷. Частные разрядные книги, по мнению того же исследователя, выступая в качестве своего рода местнического справочника, появились скорее всего вслед за первой редакцией «Государева разряда»¹⁸. Во всяком случае их появление может быть отнесено ко второй трети XVI века, когда во времена «боярского правления» местничество расцветало¹⁹. В результате официальные разряды и частные разрядные книги дают лишь са-

мое общее представление о Смоленской кампании 1502 года²⁰.

Увы, немногим более информативны и русские летописи. В большинстве из них известия о кампании 1502 года очень кратки: сын великого князя Дмитрий Иванович «землю Литовскую повоював и попленив, града Смоленска не взял, понеже крепко бе»²¹. Правда, в некоторых летописях содержатся указания на даты «отпуска» Дмитрия Ивановича с ратью к Смоленску и его возвращения в Москву, что позволяет уточнить хронологию похода²². Особняком стоит рассказ о кампании 1502 года на смоленском направлении в Типографской летописи, где приводятся сведения не только о характере боевых действий под городом, но и о составе русской рати, проблемах с дисциплиной в войске Дмитрия Ивановича и погодных условиях летом — осенью того года²³.

Наконец, важным источником по истории первой «смоленщины» являются документы дипломатической переписки Ивана III с его союзником, крымским ханом Менгли-Гиреем. В ней упоминается об отправке Дмитрия Ивановича к Смоленску, мерах, предпринимавшихся великим литовским князем для отражения вторжения московских полков, действиях русских войск под Смоленском и в его окрестностях²⁴.

Все эти русские источники, как отмечал М.М. Кром²⁵, давно были введены в научный оборот, и ничего нового извлечь из них нельзя. Остаётся обратиться к сведениям с «той» стороны. Увы, польские хроники (Б. Ваповского, М. Меховского, М. Кромера и более поздние, М. Бельского и М. Стрыйковского) также лаконичны и немногословны в описании событий 1502 года под Смоленском²⁶. Отчасти это понятно — литовские дела не слишком интересовали тогда польских хронистов. На фоне польских и даже русских хроник в лучшую сторону своей обстоятельностью (относительной, конечно) выделяется «Хроника Быховца»²⁷. И наконец, весьма подробную информацию о развитии событий на смоленском направлении содержит переписка великого князя литовского Александра Казимировича, на ценность которой при изучении кампании 1502 года совершенно справедливо указал М.М. Кром²⁸.

Таким образом, анализ имеющихся в нашем распоряжении источников позволяет утверждать, что составление более или менее обстоятельного описания

Смоленской кампании 1502 года отнюдь не безнадежное дело. Но прежде необходимо в нескольких словах обрисовать состояние смоленских фортификаций того времени. Кроме того, отнюдь не лишним будет коснуться и отношений смолян и литовских властей, ибо, как совершенно справедливо заметил М.М. Кром, «главная роль в обороне города принадлежала гарнизону, но многое зависело и от позиции горожан»²⁹.

Увы, на сегодняшний день мы слабо представляем, какой была Смоленская крепость в начале XVI века. Изображений не сохранилось, равно как и остатков валов и стен того времени, полноценные же археологические раскопки в условиях плотной городской застройки затруднены. Неудивительно, что автор последнего исследования по истории Смоленской крепости Н.В. Сапожников с горечью отмечал, что «в настоящее время нет никаких археологических данных, позволяющих судить о системе обороны крепости. Ничего, по существу, не могут дать и графические источники XVII века, поэтому для реконструкции системы вооружения крепости придется пользоваться немногочисленными письменными данными»³⁰. Последние не дают точного описания Смоленской крепости, ограничиваясь общими словами. Так, Иоасафовская летопись отмечала, что Смоленск «град же имеа твердость, стремнинами гор и холмов высоких же затворено и стенами великими укреплено...»³¹. Великий же князь литовский Сигизмунд I в 1514 году, накануне взятия Смоленска войсками Василия III, сообщал своему корреспонденту, что де город этот неприступная крепость на Днепре, сильная «благодаря самой реке, болотам, а также человеческому искусству, стенам из дубовых брусьев, сложенных срубом в виде четырёхугольников, набитых глиной изнутри и обмазанных ею снаружи; окружена она рвом и столь высоким валом, что едва видны верхушки зданий, а сами укрепления не могут быть разбиты ни огнем пушек, ни таранами, и невозможно устроить под них подкопы, чтобы разрушить или сжечь с помощью мин, огня или серы»³².

СИСТЕМА укреплений Смоленска в начале XVI века, судя по всему, состояла из двух основных частей: «Старого города» (в литовских документах того времени — «замка», в русских — «Старого большого города») и «Пятницкого острога» (ви-

димо, именно его русские документы именовали «Земляным городом»). «Старый большой город» был старейшей и наиболее укрепленной частью Смоленска. С напольной, южной стороны «Старый большой город» был укреплен мощным деревоземляным валом, поверх которого, возможно, шли заборолы (бревенчатый бруствер, с которого защитники крепости могли обстреливать неприятеля), и рвом. С восточной же и западной сторон, где вал упирался в глубокие, с отвесными краями овраги, он был огражден тыном. С северной стороны, выходящей к Днепру, «замок» был обнесен деревянной стеной с воротными башнями («Старый деревянный город»)³³. Характеризуя укрепления «замка», Н.В. Сапожников писал, что «городские оборонительные сооружения этого времени имели протяженность более 3,5 км и охватывали огромную территорию площадью примерно в 65 га. С северной стороны крепость была дополнительно усилена башнями. По крайней мере одна башня находилась в её южной части»³⁴.

Укрепления Пятницкого острога, примыкавшего к «замку» с запада, имели протяженность около 1,5 км и, видимо, несколько менее мощную деревоземляную конструкцию, чем валы «Старого города». Укреплена была также и заднепровская часть Смоленска, но каким являлся характер укреплений здесь, пока сказать что-либо определенное сложно.

Одним словом, для своего времени Смоленск был серьезной, хорошо укрепленной крепостью, взять которую быстро было проблематично. Во всяком случае великий литовский князь Витовт сумел взять город лишь со второго раза, и то воспользовавшись тем, что в Смоленске не было князя Юрия Святославича, отъехавшего в Москву за поддержкой, а также благодаря помощи своих сторонников среди смолян. Великие литовские князья, кстати, не забывали о последнем, как и о том, что в 1440 году едва ли не потеряли город в результате мятежа, и постарались как можно прочнее привязать смолян к Литве. И предпринятые ими меры оказались вполне эффективными. Стремление сохранить особый статус города, закреплённый несколькими великокняжескими грамотами и привилегиями, способствовало тому, что обращение князя Александра Казимировича к жителям Смоленска в 1493 году с надеждой, что в случае войны с Москвой его верные

Иван III

Гравюра из Космографии А. Теве

подданные ему послужат и «замок наш Смоленск в целости будет захован»³⁵, было услышано.

Подготовка к Смоленской кампании началась в Москве в конце зимы 1502-го, ещё до возвращения из набега на литовские земли посланных в конце 1501 года ратей во главе с князьями Д.В. Щеней, В.В. Шуйским, М.И. Булгаковым и А.Ф. Голениным. Посылая 3 марта к Менгли-Гирею сына боярского А. Заболотского, Иван III передавал с ним грамоту, в которой сообщал хану, что он намерен «воевод своих со многими людьми на Литовскую землю и на Неметскую послать часа того, да и детей своих хотим оже, даст Бог, отпустить, и сами оже, даст Бог, всеми своими землями хотим с своими и с твоими недруги дело свое делати»³⁶. При этом великий князь выражал надежду, что его союзник не останется в стороне и, если сможет, тоже отправится воевать Литву, а в переговоры бы с посланцами Александра Казимировича не вступал³⁷.

Прошло несколько недель, и задуманный Иваном Васильевичем план масштабного наступления на Литву стал обретать зримые очертания. Ю.Г. Алексеев, пытаясь реконструировать его, исходя из порой противоречивых сведений «Государева разряда» и частных разрядных книг, писал, что «с декабря 1501 г. по август 1502 г. на Литву одна за другой были отправлены три рати во главе с двадцатью шестью воеводами, с участием сына великого князя, двух волоцких и одного рязанского князя и двух князей, недавно перешедших на русскую службу». По мнению историка, одна рать, составленная из слу-

Литовские воины

Рисунок Ю. Коссака с рисунка XVI в.

жилых людей новгородской земли («новгородская сила») во главе с князьями В.Д. Щеней и В.В. Шуйским, наступала на Смоленск с северо-запада, другая, которую формально возглавлял Дмитрий Иванович Жилка, сын великого князя, наступала прямо на Смоленск, а третья, под началом князей М.И. Булгакова и А.Ф. Голенина («тверская сила»), заходила с северо-востока, от Ржевы³⁸. Однако, на наш взгляд, такая реконструкция представляется ошибочной, поскольку с трудом, а то и вовсе не согласуется с показаниями летописей и, что самое важное, польских источников. Прежде всего это касается «силы новгородской». Трудно представить, что после того как она в марте вернулась из похода в Литву, спустя пару месяцев воеводы Ивана III снова соберут её под свои знамёна, с тем чтобы вторгнуться во владения Александра Казимировича. И это при том, что на ливонской границе было неспокойно, магистр В. фон Плеттенберг после осеннего 1501 года обмена ударами с русскими отнюдь не изъявлял желания пойти на мирные переговоры. Более того, в марте 1502 года нападению немцев подверглись окрестности Ивангорода и псковские земли³⁹. Увести с собой большую и лучшую часть новгородских ратников в момент, когда можно было ожидать нового вторжения ливонцев, было бы непростительной глупостью, и вряд ли сам Иван III, осторожный и расчётливый стратег, пошёл бы на такой чрезмерный риск.

Столь же проблематичным представляется и участие, во всяком случае на первом этапе смоленской осады, «тверской силы», чего не скажешь о служи-

лых князьях, недавно перешедших на службу Ивана III — И.М. Воротынском, М.Р. Мезецком, В.И. Шемячиче и, возможно, С.Ф. Воротынском (во всяком случае, так могут быть «расшифрованы» названные Александром Казимировичем в письме к своему брату кардиналу Фредерику *dux'ы Premisl, Siemiaziczki, Moseczko* и *Moszanski*, что в первых числах июня 1502 г. вышли на подступы к Смоленску⁴⁰), а также о С.И. Можайском, владевшим Стародубом и также перешедшим на сторону Ивана III в 1500 году⁴¹.

Попытаемся предложить свою реконструкцию плана Ивана III. Как отмечал Алексеев, «кампания 1502 г. началась в сложной внешнеполитической и стратегической обстановке... Как и в 1501 году, России пришлось иметь дело с двумя основными противниками на двух самостоятельных направлениях»⁴². Из двух неприятелей, ливонцев и литовцев, надо было выбирать того, победа над которым приведёт к скорейшему окончанию войны. И выбор был сделан. Отказавшись от организации крупномасштабного наступления на северо-западном направлении (о чём свидетельствует письмо, направленное Иваном III епископу Дерпта, в котором он сообщал, что Плеттенберг может получить мир, сопровождавшийся тем не менее концентрацией войск в Новгороде и у Луги)⁴³, великий князь московский решил нанести главный удар на Смоленск. Он справедливо полагал, что взятие этого стратегически важного города позволит ему блестяще завершить войну. Действия Менгли-Гирея против союзника Александра Казимировича хана Большой орды Шейх-Ахмеда позволяли великому князю рассчитывать, что с юго-востока его владения будут в безопасности, и полки северских и верховских князей могут быть направлены против Литвы. Они должны были обеспечить беспрепятственное выдвижение к Смоленску главных сил московского войска, во главе которых, как следует из его послания крымскому хану, Иван III намеревался поставить кого-то из своих сыновей. «Тверская сила», как можно предположить, по замыслу государя всея Руси должна была послужить стратегическим резервом и могла быть брошена в нужный момент или против ливонцев, или на помощь осаждавшей Смоленск рати.

Боевые действия в 1502 году, судя по всему, начались с серьёзной задержкой. Причиной тому

были необычайно суровая зима и холодная затяжная весна. В грамоте Ивану III, которую тот получил 3 мая 1502 года, Менгли-Гирей, объясняя причины задержки с выступлением в поход против Шейх-Ахмеда, писал: «Нынешние дни у нас завсе о те поры жнуть, жаворонки гнёзда вьют, и ныне зима пришла необычна; коли Ази-Гирей Орду взял, такова ж была зима; а oprичь того, яз такой зимы не помню»⁴⁴. Начинать же поход до того, как просохнут дороги и не взойдёт первая трава, было бессмысленно. В итоге В.И. Шемячич «со товарищи» выступил на Смоленск лишь во второй половине мая 1502 года, и, как писал 9 июня того же года великий литовский князь, в первых числах июня их передовые отряды под началом четырёх служилых князей появились в окрестностях города⁴⁵. Смоленскому наместнику пану Станиславу Кишке пришлось спешно готовиться к осадному «сидению», свозить в город припасы, эвакуировать под защиту городских укреплений жителей окрестных сёл с их имуществом и скотом. В предстоявшем испытании ему приходилось рассчитывать только на свои не очень многочисленные силы — несколько сотен смоленских бояр, 8 сотен наёмных жолнеров⁴⁶, ну и на вооружённых мещан и поселян, ибо мобилизация литовских войск, как это уже неоднократно было раньше, запаздывала. Как отмечал Т. Коржон, Александр не имел под рукой сколь-нибудь значительного войска, с которым можно было немедленно выступить навстречу русским⁴⁷, сбор посполитого рушения требовал немалого времени, а соглашение с ротмистрами о дополнительном найме жолнеров завершилось лишь к середине июня, когда ещё наёмные роты смогут приступить к боевым действиям⁴⁸.

ОДНИМ словом, русские имели неплохую фору, однако выступление главных сил московской рати состоялось лишь в середине июля. Очевидно, Иван III попридержал полки, собранные ещё в мае, ожидая вестей из степи — там развивалось противостояние между Шейх-Ахмедом и Менгли-Гиреем. 28 июня из Крыма прискакал голец Ф. Киселёв, доставивший последние вести. Он сообщил, что «царь Менли-Гирей Шиг-Ахметя царя прогонил и Орду его и улусы взял, а на Литовскую землю не пошёл, а приказал так: как отведши Орду к Перекопи, так хочет детей своих всех да и рать свою на Литовскую землю послати»⁴⁹. Спустя несколько дней, 3 июля, в Москву

прибыл крымский татарин Суюнчей, доставивший великому князю грамоты от своего господина. В них Менгли-Гирей писал, что, «слава Богу, Ших-Ахмета, недруга нашего, розогонив, орду его и все его улусы Бог в наши руки дал... И ты бы, брат мой, то доброе наше дело и те добрые вести слышав, весел бы еси был и обрадовался» и, естественно, не забыл бы отослать в Крым богатые «поминки» по случаю одоления старинного недруга⁵⁰.

Эти известия сдвинули с мёртвой точки московскую военную машину, и её колеса начали вращаться быстрее. 2 июля 1502 года в поход выступили авангарды главной рати. Через полторы недели, в четверг 14 июля, великий князь проводил из подмосковного села Воронцово, своего сына Дмитрия «да воевод своих, князя Василя Даниловича Холмского да Якова Захарьича, и иных воевод своих и многое множество воинства, да и посошные с ними были» «с пушками, и со всеми приправами на добывание замков»⁵¹.

К сожалению, точных данных о численности рати, отправившейся «добывать» Смоленск, нет. Можно лишь попытаться представить примерные рамки, внутри которых она могла бы находиться. Всего с Дмитрием ушли 5 полков большой, передовой, правой и левой рук и сторожевой. Без В.И. Шемячича, который, как было показано выше, уже был под Смоленском, полками командовали 15 воевод: кроме упомянутых в летописи В.Д. Холмского и боярина Я.З. Кошкина князя С.И. Стародубский, В.С. Мних Ряполовский, И.М. Репня Оболенский, Ф.Б. Волоцкий, Ф.И. Бельский, Ф.И. Рязанский, А.В. Ростовский, М.Ф. Карамыш Курбский, И.Б. Тарусский, М.Ф. Телятевский, Ф.В. Телепень Оболенский, К.Ф. Ушатый Ярославский и воевода Д.В. Шеин⁵². Согласно грамоте, отправленной 5 августа вместе с литовскими послами от Александра Казимировича его брату кардиналу Фредерику, временно управлявшему Польшей, 4-тысячный отряд московитов во главе с князем Можайским (Стародубским) в начале августа подошёл к Полоцку⁵³. Однако С.И. Стародубский был первым воеводой передового полка, и логично было бы предположить, что 4000 — это усиленный лучшими людьми передовой полк. Всего же, по аналогии с другими походами того же времени, можно предположить, что если каждый воевода коман-

Московская конница в битве начала XVI в.
Фрагмент картины «Битва под Оршей» неизвестного художника.
20—30-е гг. XVI в.

довал, в зависимости от «ранга», от 150 до 300 детьми боярскими, а последние, в основном вотчинники средней руки, выступали в то время в поход с 2—3 послужильцами, то в войске Дмитрия Жилки насчитывались до 13,5—15 тыс. детей боярских и их послужильцев, несколько тысяч «срубленных» с городов пищальников и артиллерийской прислуги — в любом случае не более 20 тыс. Кроме того, рать сопровождало и множество небоевого элемента — кошевых, посошных (на плечи которых легли все сапёрные работы во время осады, ремонт дорог, мостов и пр.) и др.

ВСЯ эта масса людей, лошадей, телег со всевозможными большим и малыми артиллерийскими орудиями, ядрами, «зельем», провиантом, фуражом, лагерным и необходимым для ведения осады имуществом (туры, фашины, мешки, сапёрный инструмент и т.д.) медленно, с трудом преодолевая раскисшие от непрерывных дождей дороги, двигалась к Смоленску. Надо сказать, что поход Дмитрия по праву может быть назван «грязевым» — лето и осень в 1502 году выдались отвратительными. Как сообщает летопись, «лето было непогожее: бури великие и хоромы рвало и дровие ис кореня рвало и дожди шли великие. И осень была вся непогожа же: и хлебу был нерод и ржем и ярем, многие люди и семен не собраша, а то непогодие стояло и до Николина дни и потом замерзло и снег пал...»⁵⁴. Естественно, что неблагоприятные погодные условия не могли не сказаться самым негативным образом на осаде Смоленска, но это стало ясно позднее.

В первых числах августа 1502 года рать Дмитрия подступила к Смоленску. Так, обращаясь к польским панам с просьбой поддержать литвинов не только словами, но и делом, литовский князь Александр сообщал им между 5 и 17 августа, что московиты в 20 милях от Смоленска⁵⁵. Стоявшие ранее в его окрестностях служилые князя вместе с передовым полком двинулись дальше на запад. Как позднее наказывал передать Менгли-Гирею Иван III, пока его сын был под Смоленском, «люди... ходили да землю воевали: город... Оршу изгонили и выграбили и волости все и за Мстиславль по Березыню и по Видбеск и по Двину выграбили и выжгли и людей в полон ввели, а Витебска посады пожгли...»⁵⁶. Главные силы в 20-х числах августа подошли вплотную к Смоленску, загнали жолнеров Кишки и смоленских бояр в город⁵⁷, обложили его плотным кольцом и приступили к осадным работам. Как сообщала литовская «Хроника Быховца», московиты, пребывая под Смоленском, «воевали на вси стороны, а город Смоленск мало не весь пушками обложивши, и день и ночь безпрестанно его добывали, и за великими турами, насыпаючи песком и землю, невымовная штурмы на него чинили»⁵⁸. Очевидно, что, окружив город, ратники Дмитрия Жилки возвели батареи, заложили траншеи и под прикрытием непрерывной канонады, «лучного боя» и стрельбы из ручниц стали приближаться шаг за шагом к городскому рву.

Смоляне, однако, упорно держались, рассчитывая на помощь великого литовского князя Александра Казимировича. Надо по-

лагать, что определённое воздействие на стойкость смолян оказала и выданная 16 августа 1502 года великим литовским князем льготная грамота смоленским мещанам, пострадавшим от бесчинств наёмной солдатни, с освобождением горожан на 6 лет от «серебщизны и ордынщины и иных наших поплатков»⁵⁹. Одним словом, проходил день за днём, а все усилия русских воевод оставались втуне.

Тем временем великий литовский князь, пытаясь выиграть время, предложил Ивану III начать мирные переговоры, так как сильной полевой армии у него всё ещё не было. Естественно, что Иван III ухватился за такую возможность закончить порядком поднадоевшую войну, но вместе с тем 27 августа отправил в лагерь Дмитрию Жилке дьяка Ивана Телешова с наказом, чтобы он и его воеводы «города бы есте Смоленска доставали, и дело наше и земское делали, посмотря по делу, как вас Бог вразумит и как вам Бог поможет»⁶⁰. В предстоявших переговорах взятие Смоленска было бы весьма весомым доводом в руках московского государя. Вместе с тем Иван III накрепко наказывал сыну «не зарываться» и в случае, если смоляне будут «сидеть крепко» или, паче того, появятся известия о том, что великий князь литовский наконец-то высылает войска на помощь осаждённым, немедленно известить его. Он же постарается оказать нужную помощь — наготове уже стояли свежие полки во главе с другим сыном Ивана, Василием, и татары, касимовские и казанские⁶¹. И можно с высокой степенью уверенности предположить, что дьяк отправился под Смоленск не один — вслед за ним туда же двинулась «изо Ржевы в Литовскую землю воевать» «тверская сила», 5 полков во главе с князьями М.И. Булгаковым и А.Ф. Голениным (7 воевод, до 4000—4500 ратников)⁶².

КМОМЕНТУ прибытия под Смоленск свежих сил и великокняжеского дьяка с посланием от Ивана III (в первых числах сентября) ситуация снова изменилась. По слухам выходило, что Александр вроде бы наконец-то собрал 35-тысячное войско, которое стоит в Луцке, а сам великий литовский князь с 4-тысячным отрядом расположился в Новгородке и часть своих людей послал к Смоленску⁶³. Правда, в лагере осаждавших ещё не знали о том, что Менгли-Гирей, исполняя своё обещание, в середине августа отправил в набег на Литву

двух своих сыновей, Фетх-Гирея и Бурнаш-Гирея, с немалым войском (порядка 10 тыс. всадников)⁶⁴. В первых числах сентября «царевичи», как позднее писал Ивану хан, «со многою ратью двема дорогами поехали, один на Литовскую землю Островские городы прошед полтретьятцать день ходил и воевал и зажигал и много полону взяв, добр здоров воротился; а меньшей мой сын, лятцкая была рать к королю пошла, и он встретив, за тою ратью погонил, до Кракова города десять миль не дошед, воротился и много городов разорив и много полону взяв, добр здоров приехал». К тому же и молдавский господарь Стефан, родственник Ивана III, захватил, воспользовавшись затруднительным положением Александра Казимировича, спорные земли в Поднепровье⁶⁵. Так что великому литовскому князю было не до посылки сколько-нибудь серьёзной помощи смолянам, и оставалось надеяться только на то, что город выстоит своими силами.

Так или иначе, но дальше стоять под Смоленском русским становилось всё сложнее. Осада затягивалась, русский лагерь утопал в грязи, начались болезни и проблемы со снабжением — всё, что можно было съесть, съели, смоленскую округу, где с начала лета шли боевые действия, выжгли и опустошили, а доставлять провиант, фураж и боеприпасы из Москвы по непролазной грязи стало неразрешимой проблемой. 16 сентября русские полки пошли на приступ, но были отброшены. При этом, как сообщали торжествовавшие победители своему князю, был убит один из русских воевод, командовавших штурмом, по имени Палецкий (надо полагать, что им был первый воевода сторожевого полка «тверской силы» князь Ф.И. Палецкий, который погиб-то спустя 4 года под Казанью⁶⁶, а здесь, следовательно, был ранен) и разбита одна из русских «бомбард»⁶⁷.

Ещё одну неприятную новость принесли с собой из-под Орши беглецы, где жемойтским старостой Станиславом Яновским был разбит русский отряд, занимавший город. Выходило, что в Полоцке стояла большая литовская рать (сам литовский князь писал, что в Полоцке — 1000 конницы и 5000 пехоты⁶⁸), и она не была намерена просто ждать, когда русские отступят сами собой⁶⁹. Посоветовавшись с воеводами, Дмитрий Иванович отдал приказ начать отступление. 17 сентября, «на третий день по Воздвижениеве дни», русские оставили свой

лагерь и позиции под валами Смоленска и начали медленный марш домой, «граду учиниша зла много и людей под градом побиша много, а волости и села повоеваша и пограбиша и пожгоша и полону выведоша множество бесчисленно»⁷⁰. Главные силы с Дмитрием прибыли в Москву спустя почти месяц, 23 октября⁷¹, но часть рати осталась в «Литовской земле» и дальше её «воевать». Можно предположить, что это были полки В.И. Шемячича⁷².

ТАК неудачей закончилась первая «смоленщина». По возвращении в Москву Дмитрий доложил отцу, что главная причина поражения заключалась в том, что де «многие дети боярские подступали под град и в волости отъезжаа грабили без его ведома, а его не послушаша». Разгневанный Иван беспощадно расправился с ослушниками, повелев многих из них казнить, бить кнутом на площади или кинуть в тюрьму⁷³. Но очевидно, что не в этом крылась главная причина неудачи, и не в слабости московской артиллерии, как полагали, например, К.В. Базилевич и А.А. Зимин (на ошибочность этого предположения указывал М.М. Кром)⁷⁴. Первая осада Смоленска наглядно продемонстрировала всю сложность этого предприятия. Чётко обозначились и основные проблемы, с которыми предстояло справиться тем, кто решится на его новую осаду: как взломать действительно мощнейшие по тем временам укрепления Смоленска и как снабжать осаждавшие войска. И последняя проблема являлась едва ли не самой сложной. Вряд ли случайно Иван III указал крымскому хану Менгли-Гирею на то обстоятельство, что его сын «Смоленска не взял затем, что... пришла великая рать, ино корму не стало, не на чем было стояти города доставати»⁷⁵. Добавим к этому и стойкость осаждённых, которые, несмотря на продолжавшуюся почти месяц бомбардировку, отказались сложить оружие.

От комплексного решения этих проблем зависело и решение «смоленского вопроса» в отношениях Москвы и Вильно. И ещё одна важная черта обозначилась во время первой «смоленщины» — отсутствие сколько-нибудь серьёзной поддержки осаждённой крепости извне. Московские авангарды появились в окрестностях Смоленска в начале июня, а осада закончилась в сентябре (боевые действия шли примерно 3,5 месяца). И за всё это время великий литовский князь так и не смог организовать посылку вой-

на помощь осаждённым и вы-
йти русских отступить. Через
несколько лет ситуация повторит-
ся и станет для верховной литов-
ской власти роковой.

ПРИМЕЧАНИЯ

- Алексеев Ю.Г. Походы русских войск
Иване III. СПб., 2007. С. 372.
- Памятники дипломатических сно-
шений Московского государства с
Польско-Литовским государством. Т. I.
(1487—1533 год) // Сборник Импе-
раторского Русского Исторического
Общества (СБРИО). СПб., 1882. Т. 35.
С. 160.
- Западнорусские летописи. Список
составитель // Полное собрание русских
летописей (ПСРЛ). Т. XVII. М., 2008.
С. 558.
- Воскресенская летопись // Там же.
2001. Т. VIII. С. 239.
- Там же.
- Там же.
- См., например: Алексеев Ю.Г. Указ.
С. 384—392; Казаков О.О. Бит-
ва при Ведроши 14 липня 1500 р. //
Український Історичний журнал. 1998.
5. С. 52—63.
- Герберштейн С. Записки о Моско-
в. М., 2008. Т. I. С. 73, 75.
- См.: Алексеев Ю.Г. Указ. соч. С. 391;
Щыги Н.С. Русская военная история.
Іб., 1878. Ч. II. С. 89.
- Памятники дипломатических сно-
шений Московского государства с
Крымской и Нагайской ордями и с Тур-
цией. Т. I // СБРИО. СПб., 1884. Т. 41.
С. 338.
- Соловьёв С.М. История России с
древнейших времен. Т. V // Соловьёв
С.М. Сочинения в восемнадцати кни-
гах. М., 1989. Кн. III. С. 112.
- Карпов Г.Ф. История борьбы Мо-
сковского государства с Польско-
литовским. 1462—1508. М., 1867. Ч. II.
С. 96—98.
- См., например: Базилевич К.В.
Внешняя политика Русского централи-
зованного государства. Вторая полови-
на XV века. М., 2001. С. 439, 440; Зимин
А.А. Россия на рубеже XV—XVI столетий
(очерки социально-политической
истории). М., 1972. С. 191, 192.
- Волков В.А. Войны и войска Мо-
сковского государства. М., 2004. С. 46.
- Алексеев Ю.Г. Указ. соч. С. 426—430.
- Кром М.М. Меж Русью и Литвой.
Граничные земли в системе русско-
литовских отношений конца XV — пер-
вой трети XVI в. М., 2010. С. 207—209.
- Анхимюк Ю.В. Частные разрядные
книги с записями за последнюю чет-
верть XV — начало XVII веков. М., 2005.
С. 79.
- Там же. С. 81, 82.
- См., например: Зимин А.А. Исто-
рические по истории местничества в XV —
первой трети XVI в. // Археологический
ежегодник за 1968 г. М., 1970.
С. 118.
- См.: Миллюков П.Н. Древнейшая
разрядная книга официальной редак-
ции (по 1565 г.). М., 1901. С. 31, 32; Раз-
рядная книга 1475—1598 гг. М., 1966.
С. 34; Разрядная книга 1475—1605. М.,
1977. Т. I. Ч. I. С. 69, 70.
- Софийская вторая летопись //
ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. М., 2001. Стб. 369.
Ср.: Вологодско-Пермская летопись //
Там же. М., 2006. Т. XXVI. С. 296; Ерма-
линская летопись // Там же. М., 2004.
Т. XXIII. С. 197; Иоасафовская лето-
- пись. М., 1957. С. 144; Львовская лето-
пись // ПСРЛ. М., 2005. Т. XX. С. 373;
Никоновская летопись // Там же. М.,
2000. Т. XII. С. 257; Русский Хронограф
// Там же. М., 2005. С. 515; Книга Сте-
пенная царского родословия // Там же.
СПб., 1913. Ч. II. С. 576.
- См., например: Вологодская лето-
пись // Там же. Л., 1982. Т. 37. С. 173;
Воскресенская летопись // Там же. М.,
2001. Т. VIII. С. 242; Никоновская лето-
пись // Там же. М., 2000. Т. XII. С. 256.
- Типографская летопись // Там же.
М., 2000. Т. XXIV. С. 214, 215.
- Памятники дипломатических сно-
шений Московского государства с
Крымской и Нагайской ордями и с Тур-
цией. С. 423—425, 433, 434, 439, 451—
454, 461, 532. См. также: Памятники ди-
пломатических сношений Московского
государства с Польско-Литовским. Т. I
(с 1487 по 1533 год) // СБРИО. СПб.,
1882. Т. 35. С. 335.
- Кром М.М. Указ. соч. С. 207.
- Kronika Polska Marcina Bielskiego.
Warszawa, 1830. P. 71; Kronika Polska
Marcina Kromera. T. II. Krakow, 1882.
P. 1355, 1356; Mathias de Mechovia.
Chronica Polonorum. Cracoviae, 1521.
P. CCCLXIV; Kronika polska, litewska,
zmódzka I wszystkiej Rusi Macieja
Strykowskiego. Warszawa, 1846. P. 317;
Cronicorum Bernardi Vapovii // Scriptorum
rerum polonicarum. T. II. Cracoviae, 1874.
P. 50, 51.
- См.: Западнорусские летописи.
Список Быховца // ПСРЛ. М., 2008.
Т. XVII. Стб. 562.
- Acta Alexandri, regis Poloniae, magni
ducis Lithuaniae etc. (1501—1506) //
Monumenta medii aevi historica res gestas
Poloniae illustrantia. T. XIX. Cracoviae,
1927. P. 99—102, 124, 128, 140, 152, 157,
162, 165.
- Кром М.М. Указ. соч. С. 208.
- Сапожников Н.В. Оборонительные
сооружения Смоленска (до постройки
крепости 1596—1602 гг.) // Смоленск и
Гнездово. М., 1991. С. 56.
- Иоасафовская летопись. М., 1957.
С. 161 (Ср., например: Герберштейн С.
Указ. соч. С. 325).
- Acta Tomisiana. Posnaniae, 1853. Т.
III. P. 2.
- Акты исторические. СПб., 1841. Т.
II. С. 416.
- Сапожников Н.В. Указ. соч. С. 57.
- Акты, относящиеся к истории За-
падной России (АЗР). Т. I. 1340—1506.
СПб., 1846. С. 216.
- Памятники дипломатических сно-
шений Московского государства с
Крымской и Нагайской ордями и с Тур-
цией. Т. I. С. 383.
- Там же. С. 384.
- Алексеев Ю.Г. Указ. соч. С. 426, 427.
- О походах магистра см.: Бессудно-
ва М.Б. Походы магистра Вольтера фон
Плеттенберга на Псковщину в 1501 и
1502 годах (по данным ливонских исто-
чников) // Археология и история Пскова и
Псковской земли. Семинар имени акаде-
мика В.В. Седова. Материалы II заседа-
ния, посвящённого памяти профессора
А.Р. Артемьева. Псков, 2007. С. 157—185.
- Acta Alexandri, regis Poloniae, magni
ducis Lithuaniae etc. P. 100.
- Ibid. P. 124.
- Алексеев Ю.Г. Указ. соч. С. 415.
- Казакова Н.А. Русско-ливонские и
русско-ганзейские отношения. Конец
XIV — начало XVI в. Л., 1975. С. 231.
- Памятники дипломатических сно-
шений Московского государства с
Крымской и Нагайской ордями и с Тур-
цией. Т. I. С. 414, 419.
- Acta Alexandri, regis Poloniae, magni
ducis Lithuaniae etc. P. 100.
- В начале 1503 г., т.е. вскоре по-
сле снятия осады, в Смоленске стоя-
ли гарнизоном всего лишь 7 пеших на-
ёмных рот общей численностью по
спискам 803 пехотинца и 27 всадни-
ков (См.: Бохан Ю.М. Наёмные вой-
ска ў Вялікім княстве Літоўскім у
XV—XVI стст. Мінск, 2004. С. 14). О
800 наёмниках Смоленского гарни-
зона и местной шляхте писал и поль-
ский историк Т. Коржон (См.: Korzon T.
Dzieje wojen I wojskowości w Polsce. T. I.
Lwów-Warszawa-Kraków, 1923. P. 253).
- Korzon T. Op. cit. P. 253.
- Acta Alexandri, regis Poloniae, magni
ducis Lithuaniae etc. P. 101, 102.
- Памятники дипломатических сно-
шений Московского государства с
Крымской и Нагайской ордями и с Тур-
цией. Т. I. С. 419.
- Там же. С. 420.
- ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб. 368; Т.
XVII. С. 562; Т. XXIV. С. 214; Т. 37. С.
173.
- Миллюков П.Н. Древнейшая разряд-
ная книга официальной редакции. С.
31, 32; Разрядная книга 1475—1598 гг. С.
34; Разрядная книга 1475—1605. Т. I. Ч.
I. С. 69, 70.
- Acta Alexandri, regis Poloniae, magni
ducis Lithuaniae etc. P. 124.
- ПСРЛ. Т. XXIV. С. 215.
- Acta Alexandri, regis Poloniae, magni
ducis Lithuaniae etc. P. 128.
- Памятники дипломатических сно-
шений Московского государства с
Крымской и Нагайской ордями и с Тур-
цией. Т. I. С. 439, 461.
- Acta Alexandri, regis Poloniae, magni
ducis Lithuaniae etc. P. 140.
- ПСРЛ. Т. XVII. Стб. 562.
- АЗР. Т. I. С. 347.
- Памятники дипломатических сно-
шений Московского государства с
Польско-Литовским. Т. I. С. 335.
- Там же.
- Разрядная книга 1475—1605. Т. I. Ч. I.
С. 72.
- Памятники дипломатических сно-
шений Московского государства с
Крымской и Нагайской ордями и с Тур-
цией. Т. I. С. 433, 452.
- Там же.
- Там же. С. 469.
- См.: Гневашев Д.Е. Вологодский
служилый «город» в XV — начале XVI
века // Сословия, институты и государ-
ственная власть в России (Средние века
и раннее Новое время): Сб. ст. памяти
акад. Л.В. Черепнина. М., 2010. С. 680.
- Acta Alexandri, regis Poloniae, magni
ducis Lithuaniae etc. P. 165.
- Ibid. P. 153.
- Ср.: Kronika Polska Marcina Kromera.
T. II. P. 1355, 1356.
- ПСРЛ. Т. XXIV. С. 214, 215; Т. 37.
С. 173.
- Там же. Т. VI. Вып. 2. Стб. 369.
- Памятники дипломатических сно-
шений Московского государства с
Крымской и Нагайской ордями и с Тур-
цией. Т. I. С. 439, 454.
- ПСРЛ. Т. XXIV. С. 215.
- См.: Базилевич К.В. Указ. соч.
С. 440; Зимин А.А. Россия на рубеже
XV—XVI столетий. С. 192; Кром М.М.
Указ. соч. С. 209.
- Памятники дипломатических сно-
шений Московского государства с
Крымской и Нагайской ордями и с Тур-
цией. Т. I. С. 439.